

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.620-637>

EDN: NMGOHK

Цифровизация религиозной сферы, доверие духовным лидерам и отношение к религиозным организациям на фоне постпандемии: взгляд молодежи

Г.Я. Гузельбаева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казанский государственный медицинский университет

Казань, Российская Федерация

Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Резюме. Кризисное время пандемии вызвало серьезные изменения, затронувшие религиозные институты. Одним из заметных сдвигов в религиозной жизни последних нескольких лет стала цифровизация и медиатизация. Молодые люди по-своему реагируют на новые явления и процессы в религиозной сфере, высказывая различные оценки и ожидания. Данная статья, основанная на данных социологического опроса и ряда фокус-групп, посвящена анализу отношения молодежи к роли религиозных организаций в ситуации пандемии и после нее, уровня доверия религиозным организациям и ее представителям, ожидания от духовных лиц, отношения к процессам цифровизации и медиатизации религиозной жизни. Религиозные организации вызывают разнообразные оценки, от положительных (в основном среди верующих молодых людей) до неодобрительных (среди неверующих). Молодежь, особенно атеисты, критически относится к открытому взаимодействию религиозных структур с политическими институтами и к вмешательству церкви в разные стороны жизни светского общества. Отчасти молодежь транслирует привычную критику религии, популярную в наше время. Часть негативных оценок связана с недостатком информации, например, о реальной активности религиозных структур и отдельных духовных лиц в деле помощи людям, оказавшимся в уязвимой позиции во время пандемии коронавируса. Почти незамеченными оказались многочисленные примеры социального служения представителей конфессий, выраженные в виде духовной, психологической и материальной поддержки нуждающимся. Популярность тех пастырей, кто использует в своей работе виртуальное пространство, свидетельствует о живой потребности молодежи получать информацию о религии. При этом молодые люди доверяют именно неформальному общению, лишенному поучающего тона.

Ключевые слова: пандемия, постпандемия, цифровая религия, цифровизация религии, медиатизация религии, ислам, молодежь, социальное служение.

Для цитирования: Гузельбаева Г.Я. Цифровизация религиозной сферы, доверие духовным лидерам и отношение к религиозным организациям на фоне постпандемии: взгляд молодежи. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №4. С. 620–637. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.620-637> EDN: NMGOHK

**Digitalisation of the religious domain, trust in spiritual leaders
and attitude towards religious organizations
in the post-pandemic context: a youth perspective**

G.Ya. Guzelbaeva

Kazan (Volga region) Federal University

Kazan State Medical University

Kazan, Russian Federation

Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Abstract. The crisis period of the pandemic caused serious changes that affected religious institutions. One of the notable shifts in religious life over the past few years has been digitalisation and mediatisation. Young people react to new phenomena and processes in the religious domain in their own way, express different assessments and expectations. The article analyses the attitude of young people towards the role of religious organizations in the situation of the pandemic and after it, the level of trust in religious organizations and their representatives, expectations from the clergy, attitude to the processes of digitalisation and mediatisation of religious life. The paper is based on the data of a sociological survey and a number of focus groups. Religious organizations elicit a variety of assessments, from positive (mainly among young believers) to disapproving (among non-believers). Young people, particularly atheists, are critical of the open interaction of religious structures with political institutions and the interference of the church into various aspects of secular society. In part, the youth express the usual criticism of religion, which is popular nowadays. Some of the negative assessments are related to the lack of information, for example, about the real activity of religious structures and individual clergy in helping people who found themselves in a vulnerable position during the coronavirus pandemic. Numerous examples of social service in the form of spiritual, psychological and social support of those in need from various parishes went almost unnoticed. The popularity of those pastors who use virtual space in their work testifies to young people's poignant need of to receive information about religion. At the same time, the youth trust informal communication, which is devoid of the traditional instructive tone.

Keywords: pandemic, post-pandemic, digital religion, digitalisation of religion, mediatisation of religion, Islam, youth, social service.

For citation: Guzelbaeva G.Ya. (2024) Digitalisation of the religious domain, trust in spiritual leaders and attitude towards religious organizations in the post-pandemic context: a youth perspective. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 4: 620–637. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.620-637> (In Russ.)

Жизнь религиозных общин и религия в целом стремительно меняются в последние годы под воздействием событий и обстоятельств различного рода, от цифровизации многих сфер жизни до последствий пандемии. Критический период распространения COVID-19 вызвал у определенной части населения в разных странах потребность обратиться к вере и религии, ища поддержку у Бога и религиозных структур (Религии в современной России, 2021). Под влиянием цифровизации стали набирать популярность такие новые явления как он-

лайн проповеди и богослужения, общение духовных лиц с прихожанами с помощью передовых технологий.

Люди различных поколений, социальных слоев, регионов и конфессий по-разному справляются с последствиями пандемии. Религиозные организации вынуждены переосмыслить взаимодействие с прихожанами, равно как и свою роль в целом в условиях цифровой реальности. Молодежь справляется с этими новыми условиями по-своему. Согласно международным исследованиям, миллениалы (люди, родившиеся в 1981–1996 гг.) и зуммеры (чье рождение приходится на 1997–2012 гг.) считаются социологами самыми нерелигиозными из всех поколений (Руткевич, 2023). По сравнению с более старшими возрастными группами, они демонстрируют снижение или даже утрату значимости религии, участия в религиозных практиках, а также стремительное уменьшение их конфессиональной аффилиации. При этом отход молодежи от конфессиональной традиции сопровождается ростом постсовременной религиозности и духовности. Это обращает внимание на сложность и неоднозначность новых проявлений религиозной и нерелигиозной идентичности (Руткевич, 2023).

В течение нескольких лет с момента начала распространения COVID-19, внимание исследователей направлено на роль конфессиональных организаций в поддержке населения в адаптации к новым условиям, а также на процесс цифровизации религиозной жизни и изменения роли религии в ситуации перехода части обрядов в интернет-пространство (Мchedлова, Казаринова, 2021; Мchedлова, Кофанова, Шевченко, 2021; Черничкин, 2021; Чеснова, 2022). Ряд работ посвящен взаимодействию религиозных институтов и населения, нуждающегося в различных видах поддержки, в том числе духовной (Идиатуллоев, Мясникова, Анисимова, 2022; Религии в современной России, 2021). Авторами анализируется поведение различных групп населения во время и после пандемической ситуации, а также выявляется влияние религиозного фактора на социальную активность молодежи (Гуревич, 2022; Яцевич и др., 2023). Особое внимание уделено тому, как социальные сети и медиа меняют границы между священным и мирским; цифровые технологии предоставляют верующим возможности вступать в различные религиозные онлайн-сообщества и менее строго идентифицировать себя с конкретными общинами (Байрактар, Челенк, 2024; Дмитриева, 2023; Зимова, Фомин, 2022).

Цифровизация религии и медиатизация – процесс, посредством которого религиозные организации приобретают черты СМИ, – рассматриваются современными исследователями как неотъемлемая часть адаптации религии к условиям (пост)секулярного общества. Цифровой сдвиг религии происходит в направлении рационализации и индивидуализации (Possamai, 2018: 131). Наблюдается трансформация способов репрезентации религии и толкований религиозных значений и нарративов в масс-медиа. Религиозная коммуникация оказывается в зависимости от СМИ, прежде всего от цифровых медиа (Островская, 2020; Богатова, Голованов, 2023; Богданова, 2020; Лункин, 2020; Campbell, 2016; Cheong, 2017).

Основное внимание данной статьи уделено уровню доверия молодых людей религиозным организациям и духовным лидерам, информированности о деятельности конфессий в ситуации пандемии коронавируса, отношению к онлайн-религиозности и процессам цифровизации религии.

С целью выяснения поставленных вопросов был проведен опрос молодежи трех крупных городов – Москвы, Казани и Саратова. Москва представляет крупнейший город России с наибольшим разнообразием в этническом и конфессиональном составе. Казань является примером города-миллионника с многочисленными мусульманскими и православными общинами. Саратов – крупный региональный городом с преимущественно русским населением (около 91,5%). Анкетный опрос состоялся в январе 2021 г. в ситуации пандемии, среди студентов Москвы и Казани; выборка составила 456 человек (ошибка репрезентативности составляет 5%); опрос сопровождался двумя фокус-группами с учащимися вузов – по одной в каждом городе. Затем, в октябре 2023 г. данные опроса были дополнены пятью фокус-группами по той же тематике среди молодых людей со средним и средним специальным образованием и различным родом занятий в Казани и Саратове. Возраст опрошенных в обеих частях общего проекта – массового опроса и фокус-групп – представлен в диапазоне от 17 до 24 лет.

*Отношение молодых людей к религии,
вере и религиозным организациям*

По данным нашего опроса, отношение студентов к вере в Бога и конфессии практически отражает общую картину религиозности россиян. Более трети молодых людей называют себя верующими людьми (37%), остальные разделились на осознанных атеистов (24%) и тех, кто не может сформулировать четкого отношения к Богу, колеблясь между верой в абстрактные высшие силы и игнорированием этой темы (39%). Большинство молодых людей (71%) не ходят в храм. Многие студенты лишь формально идентифицируют себя с конкретной конфессией (православие и ислам), не проявляя высокой степени веры и не соблюдая религиозные предписания. Среди участников опроса православными себя называют 31%, мусульманами – 17%. Более трети (38%) не относятся ни к какой религии. Небольшая доля студентов (7%) называют своей религией протестантизм, буддизм, неоязычество и иудаизм, остальные затруднились с ответом (7%). Различий между православными и мусульманами, жителями Москвы, Казани и Саратова по вопросам, освещенным в данной работе, не наблюдается.

Согласно полученным данным, среди молодых людей превалирует равнодушное и скептическое отношение к религиозным организациям. Почти половина студентов в той или иной степени не одобряют деятельность Русской православной церкви (46%). С одобрением относится к РПЦ каждый пятый студент (21%: «скорее одобряю» + «в целом одобряю»). Относительно высокая доля затруднившихся с ответом – одна треть (33%) – вероятно, свидетельствует о том, что молодые люди плохо знакомы с деятельностью РПЦ или не решаются

дать ей оценки по другим причинам. Большая доля казанцев, затруднившихся определиться со своим отношением к православной церкви, по сравнению со студентами из Москвы, может говорить о том, что часть мусульман, которых больше в Казани, воздерживается от своей реакции на «чужую» религиозную организацию (27% затруднившихся москвичей и 40% казанцев).

Деятельность муфтиятов и мусульманских лидеров оказалась непонятной большинству студентов: более половины (51%) затрудняются дать свою оценку по данному вопросу. Доля тех, кто не смог высказать своего мнения, существенно выше среди московских учащихся (57%), ввиду того, что они значительно реже сталкиваются с исламскими структурами. Но даже среди жителей Казани таких довольно много (44%). Свое одобрительное отношение отмечают 36% молодых казанцев, в то время как среди москвичей доля позитивно оценивающих работу муфтиятов почти в три раза ниже – 13% (в целом по выборке – 24%). Каждый четвертый молодой человек (25%) не поддерживает деятельность мусульманских лидеров и организаций (30% студентов Москвы, 20% студентов Казани).

Неудивительно, что религиозные структуры пользуются большой поддержкой верующих студентов: работу РПЦ одобряют 37% верующих и лишь 4% атеистов, деятельность муфтиятов – 37% и 5% соответственно.

Проиллюстрируем отношение к религиозным организациям мнениями, высказанными на фокус-группах и в открытых вопросах анкеты. Объясняя и уточняя свою позицию, те молодые люди, кто поддерживает деятельность РПЦ и муфтиятов, аргументируют это следующими суждениями: *«Они помогают людям»* (ПМА, 2021: 2), *«Они оказывают поддержку в сложных ситуациях»* (ПМА, 2021: 1), *«Они помогают нести свет и добро людям»* (ПМА, 2021: 2), *«объясняют духовные ценности»* (ПМА, 2021: 1). Те, кто не одобряет работу религиозных структур, утверждают, что *«Они слишком много вмешиваются в жизнь вне религиозной сферы»* (ПМА, 2021: 1) и *«Они слишком много общаются с государственной властью и действуют, ориентируясь на нее»* (ПМА, 2023: 3).

Важно отметить, что многочисленные исследования, говорящие об упадке религиозности молодежи и об отходе от традиционных конфессий (прежде всего это характерно для христианства), не учитывают того, что молодые люди не перестают интересоваться религиозно-духовными вопросами, как и старшие поколения, что теряют они не столько веру, сколько церковь. Происходящие трансформации отношения к религии нередко называют «духовным поворотом», который характеризуется отходом от традиции и распространением постхристианской духовности. Особое значение при этом приобретают личная свобода, творческий потенциал, физическое благосостояние (здоровье), самореализация и обретение смысла жизни, единство и гармония со всем миром (Руткевич, 2023). Аналитический парадокс состоит в том, что духовность может быть и религией, и не религией (Zinnbauer, Pargament, Scott, 1999). Согласно этому пониманию, религия не может существовать без духовности, тогда как

духовности не обязательно нужен религиозный фундамент. Молодые поколения выросли на фоне радикализации религии, ее заметности в публичной сфере, оппозиции граждан многих западных стран по отношению к религии, которая стала «токсичным» брендом. Этим поколениям присуще личностно ориентированное отношение к религии – либо осознанная вовлеченность в религиозные сообщества и практики, либо осознанная оппозиция к религии и критика ее с юных лет.

Рассуждая о религиозной сфере, молодые люди охотно включаются в дискуссии о вопросе разделения светской и религиозной сфер. Часть из них упрекают церковь за то, что она *«излишне вмешивается в общественные дела»* (ПМА, 2023: 4), выходя *«за пределы области своей компетенции»* (ПМА, 2021: 2); что *«религиозные структуры, как и государственная власть, забывают, что наше общество является светским»* (ПМА, 2021: 1). Озвучивается мнение, что религиозные организации *«вторгаются в дела людей»* (ПМА, 2023: 3), *«забывая о том, что от них ожидает общество»* (ПМА, 2021: 1). О своих ожиданиях молодые люди упоминают отдельно: они хотят, чтобы церковь и муфтияты *«разъясняли вопросы веры и вероучений»* (ПМА, 2021: 2). Это позволило бы изменить излишне формализованное и поверхностное отношение граждан к религии. Верующие люди, которые часто молятся и ходят в храм, видятся части молодежи *«заурядными людьми»* с *«затуманенным разумом»* (ПМА, 2021: 2). Изменить эту ситуацию могла бы сама церковь, если бы вела соответствующую работу (*«объяснить, что вера – это не просто поход в церковь и крестик на шее, но нечто более глубокое»*) (ПМА, 2021: 2). Но на деле, утверждают молодые люди, религиозные организации *«далеки от народа»* и *«воздействуют на сознание народа»* (ПМА, 2023: 4), *«вводя в заблуждение»* (ПМА, 2021: 2). Они *«формально общаются с людьми»* (ПМА, 2021: 1), *«так очевидно, что недостает обычного, искреннего разговора»* (ПМА, 2021: 2). При этом респондентами оговаривается их собственное уважение к любому человеку, который осознанно выбрал путь веры в бога. Другие ожидания связаны с ролью церкви в качестве нравственного ориентира. Традиционные религиозные организации, по мнению части студентов, *«перестали быть моральным примером и образцом»* (ПМА 2021: 1), они *«утратили это духовное значение»* (ПМА, 2023: 3) в глазах общества.

Часть опрошенных молодых людей считает, что религиозные структуры, в частности, РПЦ, *«политизированы и дискредитированы»* (ПМА, 2023: 3) взаимодействием со светскими властями. Они *«опекают»* (ПМА, 2021: 1) государственную власть (*«олигархические клики»*) (ПМА, 2021: 1) и не являются независимыми от нее. Церковь видится *«сильным институтом с большим потенциалом»* (ПМА, 2023: 4), но который *«использует в своей деятельности механизмы манипуляции людьми»* (ПМА, 2023: 3). Размышляя о религиозных организациях, респонденты называют их *«бизнес-структурой по оказанию услуг населению»* (ПМА, 2021: 2), главная цель которых – *«нажива»* (ПМА, 2021: 2). Молодежь сетует на отсутствие независимой конфессии, которая *«пользовалась бы*

доверием и восхищением среди граждан, даже среди неверующих» (ПМА, 2023: 3). Они называют религиозные структуры *«организованными корыстными религиями»* (ПМА, 2021: 2) и отмечают, что те вызывают негативные реакции, при этом отмечая, что религии и вера вообще вызывают у них позитивное отношение.

Оставаясь отстраненными от религиозной сферы, большинство студентов не высказывает доверия религиозным организациям, а также не может вспомнить примеров какой-либо помощи от них в сложный период заболевания коронавирусом. Часть молодых людей допускают, что помощь вероятно оказывалась, другая часть считает, что раз они не встречали информации о конкретных акциях, то их и не было. Лишь небольшая доля студентов, в основном верующих, говорят о своей осведомленности и одобрении той работой, которую вели представители различных конфессий. Можно предположить, что сложный период, когда людям требовалась моральная поддержка, не был использован духовными лидерами для информирования населения об актах социального служения и повышения своего авторитета.

Критический настрой к деятельности религиозных организаций и отдельных лиц связан, вероятно, с плохой информированностью процессов в религиозной сфере. Поэтому часто новости о жизни различных конфессий многие молодые люди воспринимают с равнодушием или раздражением, одновременно осуждая за недостаточную активность в деле помощи реальным людям во время пандемии, ровно как за пассивность в информационном поле. Внимание молодежи не привлекла та огромная работа, которую проводили многие приходы. Они пропустили многочисленные случаи социального служения, которое было и продолжает оказываться нуждающимся со стороны разных конфессий и в период пандемии, и после нее (Богатова, Головин, 2023; Лункин, 2020; Шиманская, 2022).

Доверие духовным лидерам

При обсуждении вопроса о доверии конкретным религиозным лицам, студенты и молодые люди вне университетов крайне затруднились с указанием духовных лидеров и подавляющее большинство никого не назвали. Скорее всего, это объясняется слабым интересом молодежи к религиозной сфере, однако может указывать и на то, что яркие запоминающиеся религиозные лидеры, которые вызвали бы симпатию или уважение, не названы из-за отсутствия доверия. Во всех городах самым популярными высказываниями были *«никто»*, *«никому не доверяю»*, *«не знаю»*, наряду с игнорированием этого вопроса. По данным анкетирования, результативные ответы с упоминанием конкретных персоналий из религиозной сферы дали около 10% респондентов. Больше всего голосов (но все равно очень небольшая доля по выборке, около 2%) оказалось у Папы Римского и Далай-ламы. По обобщенному анализу фокус-групп и массового опроса, можно сделать следующие выводы. В Москве и Саратове относительно часто назывался Патриарх Русской православной церкви о. Кирилл, а в

Казани – Председатель Духовного управления мусульман Татарстана муфтий Камиль Самигуллин. Молодые люди упоминают религиозного деятеля, лишённого сана православного священника, Андрея Кураева (внесён в реестр иноагентов Минюстом РФ), московского имама, богослова и автора популярных книг по исламу и личностному росту Шамиля Аляутдинова и его брата, муфтия Москвы Ильдара Аляутдинова, несколько православных богословов и священников, протестантских пасторов, католических священников, мусульманских имамов. Было также общее указание духовных лиц без конкретных имен (*«есть простые попы и имамы, наверняка вызывают доверие, но имен я не знаю»*) (ПМА, 2023: 3). Перечислим упомянутых персонажей в алфавитном порядке: Алекс Артовский (раввин, Москва), Али Газиев (имам, Дагестан), Константин Бендас (член протестантского союза РОСХВЕ), Махатма Ганди, Анзор Дзеужев (имам, Адыгея), Михаил Дубровский (член протестантского союза РОСХВЕ), Тадеуш Кондрусевич (католический епископ, Беларусь), Яков Кротов (священник Православной церкви Украины), Георгий Митрофанов (православный священник и публицист, Санкт-Петербург), Алексей Осипов (православный богослов и публицист, Москва), Павел Островский (православный священник, телеведущий и блогер, Москва), Анатолий Погасий (протестантский пастор, Казань), Сергей Ряховский (председатель протестантского союза РОСХВЕ), Андрей Ткачев (православный священник, проповедник, телеведущий, Москва), Алексей Уминский (православный священник и публицист, Москва), Абдулла Хидирбеков (имам, помощник муфтия Республики Дагестан).

Таким образом, студенты плохо осведомлены как о деятельности религиозных организаций, так и о конкретных персоналиях. Критически настроенные студенты игнорируют деятельность отдельных духовных лидеров и утверждают, что не испытывают доверие ни к кому из религиозных деятелей. Одна часть верующих высказывает уважение высшим духовным иерархам, а другая называет тех, кто использует средства коммуникации, отличные от традиционных формальных каналов, – социальные сети, интернет страницы отдельных приходов, публикует популярную религиозную литературу, выступает с онлайн проповедями и *«ведет доверительный диалог»* с населением.

Наибольшую популярность и доверие имеют те духовные лица, кто использует для общения с паствой новые медиа-технологии. Буквально, если религиозный священник или имам присутствует в интернете, то есть вероятность его узнаваемости среди молодежи. Если человека нет в сети, то молодые люди, как правило, ничего о нем не слышали. Исключение составляют сановники высокого ранга, давно присутствующие в публичном пространстве, причем не столько персонально, сколько своей традиционной «должностью» в религиозном и общественном поле, примером чего и являются упомянутые выше Папа Римский, Далай Лама, Патриарх Русской православной церкви и муфтий.

Запрос на цифровизацию религиозной сферы

Основной запрос, который имеется у молодых людей к религиозным организациям, – использовать для общения цифровые технологии и вести равноправное общение без поучительного, догматического тона. На самом деле, подобные тенденции есть практически во всех конфессиях, и начались они еще до пандемии. Многие приходы, монастыри и внутрицерковные сообщества, мечети и синагоги давно и успешно используют виртуальные каналы общения и распространения информации. Но стремительный толчок был дан именно критическим 2020 годом. По мере необходимости, поскольку прихожане не могли принимать участие в богослужениях, сформировалась определенная виртуальная практика молитвы, службы и взаимодействия верующих с духовенством. Многие священники проявили себя как видеоблогеры, другие посвятили себя общению в социальных сетях, в том числе сбору пожертвований (Лункин, 2020: 551–552). Приведем несколько примеров успешных интернет-проповедников, чьи имена упоминались участниками нашего исследования.

Шамиль Аляутдинов, имам-хатыб (проповедник) Московской Мемориальной мечети на Поклонной горе. Он один из самых популярных и влиятельных в России мусульманских лидеров, особенно среди молодежи. Автор многочисленных статей и книг по исламу. С начала 2000-х гг. регулярно выступает в СМИ с экспертными оценками, включая такие российские телеканалы как Первый, Россия, Рен ТВ, Мир, самые популярные радиоканалы, печатные издания. Еще в 1999 г. основал известный в мусульманской среде и Рунете богословский сайт *umma.ru*. Является автором и «тренером» семинаров и вебинаров личностного роста, наиболее известный из которых – созданный в 2012 г. проект «Триллионер», названный Шамилем мусульманским коучингом. В нем мусульманские ценности рассматриваются как инструмент для духовного, интеллектуального, физического и финансового преображения. Ведет каналы и блоги в социальных медиа и на интернет-платформах, в частности, с 2011 г. – успешный проект на видеохостинге YouTube «*tvumma*» (662 тыс. подписчиков на начало лета 2024 г.) и два популярных Telegram-канала.

Павел Островский, настоятель храма Св. Георгия в подмосковном Нахабино. Начал практиковать онлайн-проповеди и беседы с подписчиками в социальных сетях за десять лет до начала пандемии. Около 2010 г. начал вести прямые эфиры в социальной сети Periscope о религии, жизни, отношениях. Будучи первым и единственным священником в этой социальной сети, он нашел выход на аудиторию, далекую от Церкви. Затем продолжил заниматься привлечением далеких от Бога людей на путь религии и стал вести прямые трансляции и stories на своей странице в социальной сети «Instagram»¹, в 2017-м появился его личный YouTube-канал «*pavelostrovski*», который сейчас имеет 227 тыс. под-

¹ Социальная сеть «Instagram» внесена Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

писчиков. На отца Павла подписаны многие популярные персоны отечественного шоу-бизнеса. Принимал участие в передачах на федеральных телеканалах. В 2021 г. запустил на YouTube несколько циклов актуальных программ, не имевших аналогов в православном интернете: «Помолчим» (для подростков), «Помолчим в кавычках» (для взрослых, переживших в детстве насилие, предательство, депрессию), «Есть разговор» (разговоры на актуальные темы), «Несерьезно» (юмористический подкаст с подростками), «Простыми словами о Православии». Ведет свой Telegram-канал и страницу во «ВКонтакте». Большая популярность Павла Островского обусловлена остроумным стилем, лишенным религиозного фанатизма и нравоучений.

Расул Тавдиряков, автор одного из успешных Телеграм-каналов «Мулла из-за угла». Публикует материалы с рассказами и отчетами по благотворительности, репортажи из поездок по России, Азии и Африке, новости мусульманских общин России и исламского мира. С 2015 г. ведет свой YouTube-канал «Расул Тавдиряков» с 180 тыс. подписчиками, 65,5 млн просмотров. Активно ездит по России и другим странам с благотворительным проектом. Посетил с гуманитарной миссией новые территории на юго-западе России (г. Мариуполь), Сирию, Африку. Один из организаторов фонда «Караван добра», зарегистрированного в Лаишевском районе Татарстана.

Андрей Ткачев – священнослужитель РПЦ, проповедник и миссионер, телеведущий, настоятель Храма Троицы Живоначальной в Хохлах (г. Москва). Является духовником молодежного отдела Московской городской епархии. Ведущий ряда телепередач на православных телеканалах. Автор книг и статей. Пожалуй, его можно назвать одним из самых популярных медийных духовных лиц в России, прежде всего за счет востребованного YouTube канала «Протоиерей Андрей Ткачев» с более 1,8 млн подписчиков и более 641,6 млн просмотров. Интерес к нему лично и распространяемым в медиа проповедям подогревается яркими, энергичными формулировками и прямолинейной, резкой позицией, что порой встречают критику за довольно жесткую манеру выступлений. Известны его проповеди и монологи, в которых он рассуждает о взаимоотношении полов, правилах семейной жизни, абортах, однополых связях, моратории на смертную казнь. Острый стиль привлекает множество зрителей, порождает новые дискуссии и повышает его рейтинг в сети. Любопытно, что та самая неформальная манера разговора Андрея Ткачева, лишенная сухого формализма и скучного морализаторства, о необходимости которой говорят молодые люди, имеет в случае с Андреем Ткачевым неоднозначный результат. При наличии большой армии сторонников и почитателей, другая часть православного сообщества не согласна с выбранным способом подачи. Высказывания на фокус-группах разъясняют причины популярности Андрея Ткачева, причем не только среди верующих людей. Наши респонденты сошлись во мнении, что его твердая позиция, обличающая то, что идет вразрез с христианской жизнью, привлекает многих людей, которые чувствуют разочарование и раздражение от из-

лишне политкорректных политиков и журналистов. Андрей Ткачев востребован, поскольку искренне высказывает свою позицию и смело прочерчивает разницу между добром и злом, называя вещи своими именами. Приведем несколько цитат, озвученных молодыми людьми на фокус-группах.

Наши СМИ давно идут на поводу у Запада. То одно нельзя назвать своими словами, то другое нельзя назвать, кругом политкорректность. А есть ситуации, когда надо прямо в лоб, иначе [это заведет – прим. авт.] далеко. Ткачев прямо говорит, не виляет (ПМА, 2023: 4).

Ткачев как хирург, который чирей вскрывает скальпелем, а не пытается его вылечить примочками (ПМА, 2023: 4).

Он борется с тем, что размывает границу между добром и злом и оправдывает грех. Гражданский брак – это блудное сожительство, а не протест против бюрократии в отношениях. Аборт – это убийство. Лично мне Ткачев не заходит, но говорит он правильные вещи, называя все своими именами. И это касается не только религиозной [повестки], но и состояния нашего общества (ПМА, 2023: 3).

Как отмечают эксперты, одним из следствий цифровизации и медиатизации религиозной жизни становится появление и продвижение нового образа священника и новой версии взаимодействия священник – мирянин. Блогерство позволяет духовным лицам преодолеть консервативные рамки прихода и храма. Они получают возможность сформировать собственную аудиторию, сами выбирают стиль общения, контент проповеди, прочие элементы взаимодействия (Богатова, Головин, 2023: 97–98; Островская, 2021: 44). После пандемии произошел массовый перенос религиозных практик в цифровое пространство, возникли их разнообразные гибридные формы, можно говорить о новом уровне вовлеченности верующих, повышении интерактивности конфессиональной деятельности (Лученко, 2021: 42). В интернет-пространстве верующие, менее жестко отождествляют себя с конкретной общиной, вступают в различные религиозные цифровые сообщества и по-новому позиционируют себя перед другими верующими, они более свободно общаются со священниками, дискутируют, меньше ощущают давление церковной среды (Зимова, Фомин, 2022: 43).

Молодые люди по-разному относятся к цифровизации религиозной жизни. Как показало наше исследование, значительная часть молодежи считают необходимым введение цифровых практик в религиозную сферу. Хотя в 2021 г. более половины респондентов (58%) не знали о том, что в условиях установленных карантинных мер стали практиковаться религиозные онлайн службы, и лишь незначительная доля (6%) участников опроса знали о таком формате не понаслышке, лично принимали в них участие, с тех пор ситуация изменилась. Верующие пользователи сети все чаще высказывают склонность к применению передовых технологий в общении с религиозными наставниками и единоверцами, что позволяет перейти в *«интернет – естественную среду обитания мо-*

лодежи» (ПМА, 2023: 3), и при этом *«уйти от довлеющей атмосферы церкви»* (ПМА, 2023: 3), *«осуждающих бабушек»* (ПМА, 2023: 3), слишком догматичных, по мнению молодежи, священников, пастырей и имамов. Но к онлайн-богослужениям большинство верующих молодых людей (55%) высказывают скептическое отношение утверждая, что *«виртуальные службы не заменят посещения храма»* (ПМА, 2023: 4), *«это возможно лишь для случаев экстремальных ситуаций»* (ПМА, 2023: 3), в то время, как только 20% неверующих считают подобную практику неприемлемой.

Между тем, другие исследования показывают, что интернет-общение с духовным наставником, онлайн-ритуалы и цифровое миссионерство может позволить избежать привязки ко времени и месту, давая возможность привлекать больше людей к внутри церковной или внутри мечетной жизни, акциям помощи и поддержки, а в результате – к религиозной общине и к Богу (Нимяев, 2022).

Действительно, цифровизация и медиатизация религиозной жизни позволяет привлечь молодых людей, для которых интернет и технологии – главный источник информации и коммуникации. В этом есть потенциал формировать более привлекательный образ религиозных организаций, рассказывать об их деятельности, обсуждать проблемы, откликаться на конкретные запросы. Большое значение имеют религиозные блогеры, которые переносят просветительскую работу в виртуальную среду. К тому же использование интернет-ресурсов может в определенной степени уменьшить традиционную религиозную иерархичность в сторону более равноправного участия в религиозной жизни.

* * *

Наше исследование показало, что многие молодые люди не интересуются деятельностью религиозных организаций, при этом уровень доверия им со стороны опрошенных можно оценить как средний или ниже среднего. Лишь небольшая доля молодежи готова взаимодействовать с религиозными структурами и вообще прислушивается к их мнению. Наблюдается существенная разница между мнениями верующих и неверующих. И деятельности РПЦ, и муфтиятов более трети верующих высказали свое доверие при минимальном уровне доверия со стороны атеистов. Доля положительных оценок деятельности религиозных организаций еще выше среди молодых людей, определивших себя религиозными (воцерковленными, или практикующими), а также среди представителей соответствующих конфессий (например, доля мусульман, одобряющих деятельность муфтиятов, – почти 60%).

Скептическое и равнодушное отношение молодежи к религиозным структурам объясняется во многом неосведомленностью их деятельностью. Люди, не включенные во внутрицерковные и исламские дела, не решаются дать свои оценки соответствующим организациям. Так, не смогли выразить своего отно-

шение к муфтиятам 57% опрошенных молодых москвичей (и 44% казанцев), что обусловлено желанием воздержаться от реакции на «чужую» конфессию.

Критика, высказываемая молодыми людьми по отношению к религиозным организациям, состоит в том, чтобы они придерживались принципа светскости и не пытались вмешиваться в дела государства, а также избегали в общении формальности, нотаций и нравоучений. Те респонденты, кто критически относится к религиозным организациям, высказывают мнение, что в ситуации пандемии, когда у общества была большая потребность духовного общения и поддержки, религиозные структуры не смогли наладить контакт с потенциальными прихожанами и оказать моральную или иную помощь. При этом молодые люди ждут от церкви не столько материальной поддержки, сколько выполнения их обязанностей как «проводников Бога» – духовных разъяснительных бесед и проповедей, показывающих, в чем суть веры, вероучения, нравственных ценностей, как людям следует взаимодействовать друг с другом.

Пандемия стимулировала религиозные организации проявить свой потенциал гражданской активности и социального служения, оказывая духовную и материальную помощь нуждающимся. Распространение коронавируса спровоцировало рост волонтерской деятельности, особенно среди молодежи и поколения 40-летних. Однако подавляющее большинство участников нашего исследования плохо информированы о том, что происходит в приходах, чем заняты сотрудники храмов, духовные лидеры и прихожане. Мнения верующих и неверующих молодых людей по этому вопросу разительно отличаются. Верующие гораздо более позитивно оценивают помощь религиозных организаций по сравнению с неверующими, а среди воцерковленных/практикующих еще большая доля (почти две трети) говорят, что знают о такой работе и положительно ее оценивают. Небольшая часть молодых людей называет конкретные благотворительные акты помощи, которые заключались в раздаче бесплатной еды и продуктов, акциях сбора средств для пострадавших в пандемию, психологической работе с теми, кто потерял работу, болел сам или имел заболевших родственников. Респондентами были упомянуты несколько благотворительных фондов – Фонд для поддержки нуждающихся в Москве, фонды «Милосердие», «Закят», «Расалят», казанский фонд «Ярдам».

Молодежь недостаточно хорошо осведомлена и о конкретных духовных лицах. Узнаваемость и относительное доверие имеют главы РПЦ и отдельных региональных муфтиятов, но не только они. Верующие люди с различной степенью включенности в обрядовую сторону религии, а также небольшая часть атеистов говорят об интересе к тем деятелям религиозных структур, которые активны в интернет-пространстве своими публичными проповедями, онлайн лекциями, книгами и регулярными постами в социальных сетях. Среди них молодые люди называют как представителей РПЦ, так и религиозных меньшинств: прежде всего мусульманских имамов и протестантов.

Одно из серьезных изменений, повлиявших на конфессии практически всех стран в последние несколько лет, стал сдвиг в сторону цифровизации религиозной жизни. В религиозной сфере использование медиа и интернет площадок началось гораздо раньше 2020 г. Пандемия активизировала эти процессы, появилось немало духовных лиц – блогеров, что постепенно делает эту сферу более открытой и привлекательной для молодежи. Церкви, мусульманские приходы и пр. находятся на постоянной связи с членами своих религиозных общин, однако, как социальному институту, церкви следует искать постоянное взаимодействие с более широкими слоями населения, выбирая наиболее эффективные каналы и стили коммуникации. Для молодежи такими являются интернет-пространство и доверительный стиль общения.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2021 и 2023 – Полевые материалы автора. Групповые дискуссии (фокус-группы) в Москве, 2021 г., Казани, 2021 и 2023 гг., и Саратове, 2023 г. (1 – высказывания участников ФГ в Москве в 2021 г., 2 – в Казани в 2021 г., 3 – в Казани в 2023 г., 4 – в Саратове в 2023 г.)

ЛИТЕРАТУРА

Байрактар Р., Челенк А. Ислам: проблемы исламофобии в цифровых играх. Мнение, выводы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Т. 16. № 1. С. 74–91. <https://doi.org/10.17748/2219-6048-2024-16-1-74-91>

Богатова О.А., Голованов С.В. Деятельность православных блогеров как фактор модернизации православных религиозных организаций // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 91–102. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.8>

Богданова О.А. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 207–234. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234>

Гибадуллина М.Р., Кусанова Д.С. Новые формы сетевого активизма на примере мусульманок Республики Татарстан // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 2. С. 16–27. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2>

Гуревич К.В. Цифровые практики московской молодежной еврейской общины в период социального дистанцирования весной 2020 года // Цифровая иудаика: исследование еврейских общин в онлайн-пространстве / Отв. ред. И. Душакова, М. Каспина. М.: 2022. С. 110–130. <https://doi.org/10.31168/0470-1.08>

Дмитриева Е.Л. Религия в России в эпоху цифровизации (на примере православия и ислама) // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). С. 129–136. <https://doi.org/10.31249/rimm/2023.02.10>

Зимова Н.С., Фомин Е.В. Трансформируя сакральное: цифровые религиозные сообщества в XXI веке // Социология религии в обществе позднего модерна. 2022. Т. 11. С. 39–47.

Идиатуллин А.К., Мясникова А.Б., Анисимова Е.Ю. Религия в период пандемии на территории Чувашской Республики // Исторический поиск. 2022. Т. 3. № 3. С. 89–100. <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2022-3-3-89-100>

Лученко К.В. Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39. № 1. С. 39–57.

Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Вызов пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика // Полис. Политические исследования. 2021. №4. С. 148–162. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57>

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.19 / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 462–483. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.20>

Нимяев Э.А. Исследование «цифровой религии»: классификация религиозных онлайн-ресурсов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2022. № 3. С. 220–229. https://doi.org/10.35231/18186653_2022_3_220

Нимяев Э.А. Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для общества» и цифровой религиозный суррогат // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 171–183. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_171

Островская Е.А. Институциональный подход социологического изучения медиатизации: концептуальные составляющие и примеры исследований. Медиалингвистика. 2020. Т. 10. № 4. С. 598–620. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.409>

Пандемия и постпандемия как основные факторы, повлиявшие на социальную активность молодежи / Яцевич О.Е., Омелаенко Н.В., Ткачева Н.А., Шабатура Л.Н., Юдашкина В.В. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 5 (86). С. 119–127. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.013>

Религия в современной России: события и дискурсы пандемии / Мчедлова М.М. и др.; под ред. М.М. Мчедловой; РУДН; ФНИСЦ РАН. М.: РУДН. 2021.

Руткевич Е.Д. Молодые поколения и (не)религия // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 1. С. 81–97. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_1_81

Смирнов М.Ю. Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137–145.

Черничкин Д.А. Трансформация религиозной коммуникации под влиянием пандемии COVID-19 // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 2. С. 56–64. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7>

Чеснова Е.Н. Религия онлайн: новые практики и феномены // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2023. № 4 (48). С. 68–82. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2023-1-4-68-82>

Чеснова Е.Н. Специфика цифровизации ислама и IT-халяль // Исламоведение. 2022. Т. 13. № 3 (53). С. 26–41. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41>

Яцевич О.Е., Омелаенко Н.В., Ткачева Н.А., Шабатура Л.Н., Юдашкина В.В. Пандемия и постпандемия как основные факторы, повлиявшие на социальную активность молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 5 (86). С. 119–127. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.013>

Campbell H.A. Framing the human-technology relationship: How Religious Digital Creatives engage posthuman narratives. *Social Compass*. 2016. 63 (3). P. 302–318.

Cheong P.H. The vitality of new media and religion: Communicative perspectives, practices, and changing authority in spiritual organization. *New media & Society*. 2017. 19 (1). P. 25–33. <https://doi.org/10.1177/1461444816649913>

Possamai A. The I-zation of Society, Religion, and Neoliberal Post-Secularism. Palgrave Macmillan, Singapore. 2018. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-5942-1>

Zinnbauer B., Pargament K., Scott A. The emerging meanings of religiousness and spirituality: Problems and prospects. *Journal of Personality*. 1999. Vol. 67. No. 6. P. 879–919. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.00077>

REFERENCES

Bayraktar R., Chelenk A. (2024) Islam: problems of islamophobia in digital games, opinion, conclusions. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social educational Idea]. Vol. 16. No. 1: 74–91. <https://doi.org/10.17748/2219-6048-2024-16-1-74-91> (In Russ.)

Bogatova O.A., Golovanov S. (2023) The activity of Orthodox bloggers as the factor of the Orthodox religious organizations modernisation. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. Vol. 29. No. 2: 91–102. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.8> (In Russ.)

Bogdanova O.A. (2020) Mediatisation of pastoral care in the Russian Orthodox Church: Reasons behind 'Ask the Priest' websites. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i zarubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide]. Vol. 38. No. 2: 207–234. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234> (In Russ.)

Campbell H.A. (2016) Framing the human-technology relationship: How religious digital creatives engage posthuman narratives. *Social Compass*. 63 (3): 302–318.

Chernichkin D.A. (2021) Transformation of religious communication under the influence of the COVID-19 pandemic. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 2: 56–64. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7> (In Russ.)

Chesnova E.N. (2023) Religion online: New practices and phenomena. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of TSPU named after. L.N. Tolstoy]. Vol. 4. No. 48: 68–82. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2023-1-4-68-82> (In Russ.)

Chesnova E.N. Specificity of Oslam Digitalisation and IT-Halal. *Islamovedenie* [Islamic studies]. Vol. 13. No. 3 (53): P. 26–41. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41> (In Russ.)

Cheong P.H. (2017) The vitality of new media and religion: Communicative perspectives, practices, and changing authority in spiritual organization. *New media & Society*. V.19 (1): 25–33. <https://doi.org/10.1177/1461444816649913>

Dmitrieva E.L. (2023) Religion in Russia in the era of digitalisation (on the example of Orthodoxy and Islam). *Rossiia i Musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim World]. No. 2 (328): 129–136. <https://doi.org/10.31249/rimm/2023.02.10> (In Russ.)

Idiatullov A.K., Myasnikova A.B., Anisimova E.Yu. (2022) Religion during the pandemic in the territory of the Chuvash Republic. *Istoricheskii poisk* [Historicals]. Vol. 3. No. 3: 89–100. <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2022-3-3-89-100> (In Russ.)

Iatsevich O.E., Omelaenko N.V., Tkacheva N.A., Shabatura L.N., Iudashkina V.V. (2023) Pandemic and post-pandemic as the main factors affecting the social activity of young people. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. Vol. 5. No. 86: 119–127. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.013> (In Russ.)

Gibadullina M.R., Kusanova, D.S. (2022) New forms of network activism on the example of Muslim women of the Republic of Tatarstan. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and management]. Vol. 8. No. 2: 16–27. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2> (In Russ.)

Gurevich K.V. (2022) Digital religious practices of the Moscow youth Jewish community in the period of social distancing. In: Dushakova, I., Kaspina, M. (eds.). *Digital Jewish Studies: Exploring Jewish communities in the online space*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Slavic Studies: 110–130. <https://doi.org/10.31168/0470-1.08> (In Russ.)

Luchenko Kh.V. (2021) The Digitalisation of worship practices during the coronavirus pandemic in the context of the mediatisation of Orthodoxy. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i zarubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide]. Vol. 39. No. 1: 39–57. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57> (In Russ.)

Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. (2021) COVID-19 pandemic challenge and religion: Ontology vs. Politics. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. No. 4: 148–162. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11> (In Russ.)

Mchedlova M.M., Kofanova E.N., Shevchenko A.G. (2021) Religion in a pandemic: attitude to the digitalisation of religious practices. In: M.K. Gorshkov (ed.) *Russia in reform: yearbook*. Issue 19. Moscow: Novyy Chronograf Publ.: 462–483. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.20> (In Russ.)

Nimyaev E.A. (2022) Study of digital religion: a classification of religious online resources. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3: 220–229. https://doi.org/10.35231/18186653_2022_3_220 (In Russ.)

Nimyaev E.A. (2023) Locating religion in the digital communication system: “Space for the community” and digital religious surrogate. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3: 171–183. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_171 (In Russ.)

Ostrovskaya E.A. (2023) Sociological study of mediatisation from an institutional perspective: Concepts and empirical research. *Media lingvistika* [Media linguistics]. Vol. 10. No. 4: 598–620. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.409> (In Russ.)

Possamai A. (2018) *The I-zation of Society, Religion, and Neoliberal Post-Secularism*. Palgrave Macmillan, Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-5942-1>

Religion in modern Russia: Events and discourses of the pandemic (2021) Mchedlova M.M. (ed.). Moscow: RUDN. (In Russ.)

Rutkevich E.D. (2023) Molodye pokoleniya i (ne)religiya [Young generations and (non)religion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No.1: 81–97. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_1_81 (In Russ.)

Smirnov M.Yu. (2019) Digitalisation as the “zeroing” of religions. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A.S. Pushkina*. [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3: 137–145. (In Russ.)

Zimova N.S., Fomin E.V. (2022) Transforming the sacred: Digital religious communities in the 21st century. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna* [The sociology of religion in late modernity society]. No. 11: 39–47. (In Russ.)

Zinnbauer B., Pargament K., Scott A. (1999) The emerging meanings of religiousness and spirituality: Problems and prospects. *Journal of Personality*. Vol. 67. No. 6: 879–919. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.00077>

Сведения об авторе: Гузельбаева Гузель Яхиевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Digital Media Lab», Институт информационных технологий и интеллектуальных систем, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); доцент кафедры истории, философии и социологии, Казанский государственный медицинский университет (420012, ул. Бутлерова, 49, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>; e-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

About the author: Guzel Ya. Guzelbaeva, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Senior Researcher at the “Digital Media Lab” Research Laboratory, Institute of Information Technology and Intelligent Systems, Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University (49 Butlerov St., Kazan 420012, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>; e-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Поступила в редакцию / Received 22.05.2024

Доработана после рецензирования / Revised 5.08.2024

Принята к публикации / Accepted 15.08.2024